

Валерия СПИРИДОНОВА

Как преодолеть кризис государственности?

Интерпретации политического кризиса в социально-политической литературе колеблются от макромасштабных теорий «краха идеологий» до споров над проблемами соотношения целей и средств в конкретных политических ситуациях. Обозначение тех или иных сторон кризиса общества как кризиса политического может быть спорным. Однако существуют области жизнедеятельности социального механизма, которые оказываются самым прямым и непосредственным образом ответственными за него. Трудно, пожалуй, оспорить мнение, что центральным в структуре политического кризиса является феномен государства.

Проблема политического кризиса относится не только к России, в настоящее время это общемировая проблема. Ситуация в России последних лет характеризуется сочетанием разных аспектов этого кризиса — экономического, управленческого, национального, духовно-культурного, кризиса идентичности и др., которые в отдельные периоды выступают в разных «концентрациях» с выделением, акцентированием того или иного из них. Возможно, именно поэтому философский анализ кризисной политической ситуации развитого западного государства, такого как Франция, имеющего к тому же в своем историческом развитии черты сходства с развитием России, может оказаться весьма полезным для нас — позволит увидеть самих себя в зеркале истории, понять те общие механизмы эволюции, которые характерны и для России несмотря на ее периферийное положение в общемировом процессе модернизации. В связи с этим хотелось бы привлечь внимание к концепции политического кризиса государства известного французского ученого, специалиста в области изучения организаций, профессора университета в Нантере Мишеля Крозье. На Западе его имя связано с исследованиями бюрократии как организационно-культурного явления и в более общем виде — с исследованиями современного бюрократического государства во Франции.

Однако предварительно следует сказать несколько слов о схожести некоторых поворотных, ключевых моментов социально-политической истории, какими отмечена судьба обоих государств — Франции и России. К ним можно отнести: длительное господство монархической традиции в менталитете французского и русского народов; склонность к политическому протекционизму — боязнь потерять свой особый национальный путь развития (страх перед американизацией во Франции и вековечная боязнь «западного» влияния в России — как царской, так и советской); и наконец, индивидуализм асоциального, антигосударственного типа. Если первые две

Спиридонова В. И. — кандидат философских наук, научный сотрудник
Института философии РАН.

черты в более подробном разъяснении не нуждаются, поскольку стали общим местом в популярной политической литературе, то о третьем моменте следует сказать подробнее.

Во Франции индивидуализм принимает, в частности, форму изоляционизма, постоянной оппозиции по отношению к действующей власти, устойчивой «психологической обструкции» гражданина по отношению к властвующим структурам, хорошо отражаемой феноменом Фронды как исторической реалии и фрондерства как перманентного состояния французов, а на уровне обыденного сознания — поведением, передаваемым популярной французской поговоркой: «Мой стакан маленький, но я пью из своего стакана». В России социально-политическая ситуация исторически осложнялась и усугублялась отсутствием структур гражданского общества и неразвитостью гражданского правового сознания, затянувшимся крепостничеством, укрепившим сознание рабства и бесправности перед властью, а также имперским давлением, особенно проявлявшимся в форме полицейского надзора за личностью в огромной и плохо институционально организованной стране. В этих условиях индивидуализм принял характерные крайние формы: анархизма (для людей, которые потенциально были носителями идей и духа третьего сословия), нигилизма, интеллектуального протеста, отвержения всего и вся (в основном в среде интеллигенции), бунтарства уголовного типа (в среде радикалов и революционеров). Дух индивидуализма выразился в общем и целом в бегстве от общества, в уходе от социальности, в разрыве и расколе между народом и властью.

Перечисленные факторы в реальной истории обеих стран привели к усилению роли государства и идеи государственности в жизни общества, к формированию особой — этатистской — традиции, которая идеологически трансформировалась в явление сакрализации государства и государственности, а вместе с ними и политики. Идеи превосходства коллективного интереса над частным в Советской России и обожествление Всеобщего Интереса во Франции долгое время поддерживали особое отношение к государству и его институтам. Однако в настоящее время многие страны мира, в том числе, похоже, и Россия, вплотную подошли к той черте, которая означает кризис такой концепции государственности. Крозье определяет его как «крах архаической концепции трансцендентализации коллективного».

Кризисная ситуация: первые проявления и общие характеристики

Внешние проявления кризиса старой идеи государственности во Франции выразились, в частности, в парадоксальном сочетании политической мегаломании политиков, которые считают себя ответственными за все, и «гиперинфляции политики в глазах граждан»¹. Ситуация, очень похожая на наше недавнее, «доперестроечное» прошлое, когда руководящие слои советского государства самоуверенно полагали, что политика присутствует всюду, пронизывает все явления и уровни жизни общества, в то время как на другом полюсе общества нарастала политическая пассивность и апатия, т. е. реальная а-политичность.

Преувеличенное значение авторитарной роли государства во Франции Крозье считает исторически унаследованным от монархического принципа королевской власти: последний предусматривал особое положение короля среди всех свободных граждан и впоследствии был трансформирован в господство над умами и действиями французов всеподавляющего, неограниченного и неподвластного критике Всеобщего Интереса. В результате сформировался определенный тип социального политического действия и

¹ Crozier M. *Etat modeste, Etat moderne? Strategie pour un autre changement*. Paris, 1987, p. 8.

поведения, пронизанный сакрализацией коллективной жизни, обожевлением государства и политики. Приблизительно такое же положение дел наблюдалось в России, где попытка в октябре 1917 года заменить изжившую себя монархическую форму правления, по существу, привела к восстановлению всех атрибутов абсолютизма даже в расширенном по сравнению с дореволюционным временем виде. Господство сталинского режима ознаменовало наступление эпохи идеологического поклонения коллективизму в самых разных его проявлениях.

Гносеологическую основу мегаломаниакальных политических действий составляет вера в абсолютный идеал, а в конечном счете, как считает Крозье, трансцендентальная религиозная вера. И это условие было соблюдено в Советской России, где место прежней религии заняла объединяющая вера в коммунизм, в построение «светлого будущего» — рая на Земле. Место Отца небесного занял царь земной, который приобрел статус непогрешимости в решениях, статус верховного судьи над судьбами народов и людей, статус Учителя, несущего пастве своей свет совершенного коммунистического учения. Такой вариант трансцендентальной религии, как правило, подкрепляет миф о возможности сотворения нового человека — идея, которая увлекала тысячи революционных романтиков в самые разные исторические времена. Именно здесь зародыш роковой ошибки, обусловившей крах всех построенных священного храма Коллективного Интереса. Ибо аморально желать, да и невозможно переделать самого человека по какому бы то ни было проекту — будь то проект социалистический, реформистский или либеральный. Это посягательство на самый фундаментальный принцип существования человека — на его свободу.

Именно поэтому первым наиболее очевидным и ранее всего заметным кризисом в таком обществе становится кризис в области морали — общественной и государственной. Действительно, когда этот кризис начинает проявляться, то наиболее резко и раньше всего бросается в глаза несоответствие между декларируемыми лозунгами «общего блага», «блага народа» и реальным благом отдельных людей, составляющих этот народ. Крах государственности начинается с осознания общественностью аморальной политики обмана правителями своего народа. В практически-политическом плане возникают сомнения относительно действительной поддержки обществом своего правительства и более широко — относительно легитимности данного правящего режима.

Претензии общества с тоталитарной идеологией на сакрализацию Коллективного Интереса, помноженные на страсть к унификации и командованию, делают главным орудием проведения любых изменений в обществе указ или декрет. Раздутость институционально-бюрократической структуры такого общества и свойственные ей неэффективность и медлительность в реализации принятых решений усиливают значение приказного характера указов в менталитете самих управляющих, превращая их чуть ли не в панацею, тогда как на другом полюсе общественного организма — на уровне индивидуальных взаимодействий — идет процесс обесценивания этих инструментов управления.

Люди перестают воспринимать приказы, идущие сверху, как правила своего поведения в обществе. Возникает естественная реакция отторжения их и сопротивления им, стремление обойти, нарушить указания, тем более что детальное регулирование сверху конкретных жизненных ситуаций никогда не поспевает за постоянно изменяющейся действительностью. Внизу складываются автономные по отношению к верхним слоям руководства властные отношения. Таким образом появляются первые трещины в общественном консенсусе: ценности, на которых основывается поведение властей, и ценности, лежащие в основе социальных действий исполнителей, расходятся. Поведение человека в таком обществе оказывается в постоян-

ном противоречии с навязываемым ему типом тоталитарно-бюрократической социальности и становится в этом смысле фактически поведением а-социальным, т. е. а-моральным с точки зрения официальной этики данного общества.

От индустриального общества к постиндустриальному: кризис «технократической рациональности» социального действия

Если моральный кризис является первым видимым симптомом политического краха старого типа государственности, то сам этот крах имеет все же более глубокие сущностные причины. И одна из них лежит в русле логики развития общемирового процесса социальной модернизации, который сопровождается общим возрастанием роли «человеческого фактора» в истории. Если для индустриального типа общества характерным было господство экономической, а по сути технической, технократической рациональности, то в рамках постиндустриального общества «уровень человеческой ткани», т. е. собственно социальное, человеческое становится «центральным понятием»².

С процессом перехода к «сложному», «социальному», «человеческому» постиндустриальному обществу Крозье связывает главный аспект политического кризиса современного общества — крах старого типа управленческой рациональности. Индустриальное общество — общество «логики количества» — характеризовалось технической, экономической рациональностью, когда человек и вся область социальной жизни воспринимались как нечто подчиненное и вторичное по отношению к области экономической, которая считалась сферой «абсолютно рационального». Хотя именно в рамках индустриального общества возникли и получили свое развитие теории «человеческих отношений», это вовсе не свидетельствует о том, что человек находился тогда в центре внимания и заботы обществоведов.

Напротив, все эти теории рассматривали человека, его труд, его работоспособность только лишь как инструмент улучшения и эффективности работы «экономического рационального». Даже шведская модель развития общества, в которой находят самое сильное выражение принципы социально справедливого распределения продукта,— и та является отчетливым воплощением такого, технического по своей сути, примата сферы «экономического рационального». Крозье следующим образом формулирует механизм разделения/противопоставления экономического и социального: «Цель экономики заключается в обеспечении производства максимального количества национального продукта, а эгалитарное распределение этого продукта гарантирует социальный мир, который, в свою очередь, позволяет поддерживать эффективную работу экономики»³.

Такая симплицистская — техницистская по своей сути — модель-триада восходила в конечном счете к тейлоровской «рациональной организации», возникшей в период, когда технический прогресс и машинное производство требовали стандартизации и унификации производственного процесса, а дальнейший рост эффективности производства стал немислим без его всесторонней рационализации, экономии времени и ресурсов. Принципы построения производственного процесса постепенно были перенесены на управление обществом в целом. Это породило своеобразный механицистский тип управленческого мышления, для которого характерна склонность к

² Crozier M. Le Phenomene bureaucratique. Paris, 1963, p. 277; La centralisation. In: «Ou va l'administration française». Paris, 1974, p. 16—18; La crise des regulations traditionnelles. In: «La sagesse et le desordre». Paris, 1980, p. 371.

³ Crozier M. Etat modeste, Etat moderne? p. 150.

манипулированию социальными структурами посредством декретов, указов, постановлений, инструкций. Механистичностью отличался и взгляд на роль индивида в обществе, и взгляд на государство как на поставщика постоянно растущего количества регламентаций, разработка которых превратилась в подлинную страсть власть придержащих. Этот процесс был повсеместным (он захватывал и США с их сильными либеральными традициями, и Францию, отличавшуюся давними этатистскими, авторитарно-бюрократическими наклонностями) и обусловил универсальность кризиса управления в мире⁴.

Чтобы понять глубинные причины этого кризиса, нужно прежде всего изменить традиционное видение социального субъекта в процессе социального действия. Участвуя в многообразных социальных взаимодействиях, он всегда строит свое поведение с определенным расчетом, ограниченным, правда, общепринятыми «правилами игры», т. е. предписаниями и регламентациями, существующими в организациях, институтах и обществе в целом. Именно поэтому Крозье настаивает на необходимости рассмотрения социального субъекта в качестве «стратегического актера», обладающего «ограниченной рациональностью»: это не просто исполнитель, и не только существо, поведением которого управляют различного рода аффекты, «он также голова, проект, свобода»⁵.

Крозье разрабатывает новый подход к анализу общественных отношений. Ныне социальные взаимодействия между индивидами все более и более обнаруживают свою «переговорную» природу, считает он. И даже такие традиционно асимметричные отношения, как властные отношения, все более и более приобретают в современном мире переговорный характер. «Всякое отношение между двумя сторонами,— пишет Крозье,— предполагает их обмен... и адаптацию... При этом власть *A* над *B* соответствует способности *A* добиться того, чтобы в его переговорах с *B* условия обмена были для *A* благоприятными»⁶.

Крозье подчеркивает связь отношений власти с организационными структурами. Власть возникает в процессе организации, а организация предполагает возникновение отношений власти. При этом формальные и неформальные цели и правила организации выступают по отношению к «стратегическим актерам» в качестве «принуждений».

Интенсивность человеческих общений и обмена информацией при росте общей информированности людей приводит к «взрыву» человеческих отношений. В социальном поведении значительно усиливается свобода выбора, а возможности контролировать поведение «актера» снижаются — он устремляется таким образом, чтобы избегать прямых давлений, и постоянно обходит принуждения системы. В результате ее традиционные регуляции теряют свою эффективность. Прежняя властная структура, которая была подобна «архитектуре в виде столбов и переходов, где один этаж опирается на другой», разрушена. «Мы сейчас намного ближе к структуре в форме пчелиных сот, в которой все зависят от всех, и в то же время все контролируют всех, в которой никто не командует, но все подчиняются»⁷. Отношения власти, таким образом, трансформируются из классических, жестко иерархических, зависимых в «переговорные», относительно свободные. Однако методы управления все еще ориентируются на принудительные властные взаимодействия. Подобный ирреализм и приводит к возникновению сетей и отношений «параллельной

⁴ Ibid., p. 69.

⁵ Crozier M. Le Phenomene bureaucratique, p. 202.

⁶ Crozier M. U societate bloquee. Paris, 1977, p. 34—35.

⁷ Crozier M. On ne change pas la societate per decret. Paris, 1979, p. 22.

власти». Главной причиной кризиса, утверждает Крозье, становится неадекватность современных средств социального контроля изменившимся «условиям социальной игры».

Выход из кризиса: стратегия и программа социальной трансформации

Очевидная необходимость изменения французского общества осложняется глубоко укоренившимися бюрократическими механизмами его управления. Констатируя факт всеобщей бюрократизации общественной жизни современной Франции — страны, оказавшейся к настоящему времени «заблокированной в бюрократическом ошейнике»⁸, — Крозье настаивает на принципиальном пересмотре самого подхода к трансформации социального организма. До сих пор, считает он, французскому обществу был присущ своеобразный «бюрократический ритм развития»⁹. Такой тип социального изменения подразумевал преобразование всей социальной структуры в целом и только тогда, когда дисбаланс в ней достигал катастрофических размеров. Подобный характер преобразований предполагался самой логикой бюрократической системы, отличающейся высокой степенью консолидированности всех ее частей.

Гиперцентрализация сферы принятия решений, характерная для бюрократической организации общества, и, как следствие, скованность инициативы индивидов на нижних ступенях иерархической лестницы наряду с затрудненностью доступа к руководящим слоям делают постепенное и перманентное преобразование невозможным. В таких условиях трансформация может происходить только сверху и в виде взрыва всего социального организма. При этом реконструкция общественных отношений приводит к дальнейшему усилению бюрократии и централизации. Возникает «новое бюрократическое равновесие»¹⁰. *Чередование длительных периодов стабильности и коротких эпох трансформации в виде взрыва, или «бюрократического кризиса», и образует особый, «бюрократический ритм развития».*

Неэффективность такого пути реформирования общества приводит Крозье к мысли о необходимости переосмысления самого «способа изменения». Если «бюрократический ритм развития» был относительно приемлемым для обществ с медленной эволюцией, какими фактически были общества XIX века, то он оказывается совершенно не адекватным для современного мира постоянно ускоряющейся трансформации. Теперь, заключает он, *нужна другая форма — постепенные, постоянные, небольшие, сознательные и ответственные трансформации.*

Главная проблема изменения — это не проблема смены политического режима, а организационная проблема. Именно поэтому Крозье выступает против революционных путей трансформации действительности, которые ничего не способны изменить по существу и ведут только к разрушению и непроизводительной растрате социальных ресурсов, отбрасывая общество далеко назад. *Революционному менталитету он противопоставляет «идею зародыша», «освобождения потенциалов» — единственного, что, по его мнению, совместимо с успешным преобразованием общества.*

Крозье предлагает так называемую «косвенную стратегию изменения»¹¹. Современное французское общество, пишет он, в целом представляет собой негибкую структуру, в которой господствуют бюрократические механизмы.

⁸ Crozier M. La société bloquée, p. 9.

⁹ Crozier M. Le Phénomène bureaucratique, p. 258.

¹⁰ Crozier M. La société bloquée, p. 149.

¹¹ Crozier M. On ne change pas la société par décret, p. 226.

Но наряду с ведущими «узлами блокад», которые глубоко интегрированы, ригидны и проявляют сильное сопротивление переменам, существуют и сектора, легко воспринимающие инновации. Стратегия нового подхода состоит в том, чтобы определить внутри социального ансамбля несколько таких секторов. Они должны быть, с одной стороны, важными узлами социальной регуляции, социального управления, а с другой — не должны занимать центральное, ведущее положение в государственном устройстве, где «узлы блокад» слишком консолидированы и сведут на нет всякое воздействие на них, поглотят новшество или интегрируют, или переработают его таким способом, что новаторская суть окажется выхолощенной.

Зоны же предполагаемой «социальной интервенции», или «чувствительные точки» системы, как их называет Крозье, должны быть доступными для инноваций, способными на быстрое изменение. Воздействуя на них, можно создать «процесс развития», дать сильный и результативный импульс к изменению, который со временем должен вовлечь в социальные перемены все структуры общества, включая даже самые закрытые и бюрократически устойчивые. *Для того чтобы бюрократические структуры не могли нейтрализовать результаты трансформаций, воздействие на «чувствительные точки» должно быть постепенным и длительным.*

Для утверждения нового способа изменения необходимо развертывание исследований функционирования общественных подсистем. Промышленные капиталовложения никогда не предпринимаются без предварительного глубокого изучения их технико-экономического контекста. Область «человеческих отношений» намного сложнее, знание фундаментальных правил функционирования общества совершенно необходимо для реформы «человеческих систем»; однако, как это ни драматично, изменения здесь чаще всего осуществляются при совершенно поверхностном знании социальной реальности¹². *Исследование социальных отношений в настоящее время важнее любого чисто экономического исследования.*

Существенной составной частью предлагаемого способа изменения выступает формирование новой психологии. Чтобы осуществлять социальные перемены, нужно увеличить число лиц, ответственных за них, а главное — нужно, чтобы инициативы шли снизу, а не предписывались директивами сверху. Но именно здесь и возникают психологические затруднения, так как люди в массе своей стремятся избегать социальных напряжений и новых, более сложных и трудных социальных ситуаций. Необходимо поэтому научить их «играть в новые, более сложные игры». Этого можно достичь через пропаганду знаний о человеческих отношениях, через усвоение правил функционирования этих отношений.

Условием успешной трансформации социального организма является социальное экспериментирование. В современных обществах, погрязших в бюрократической рутине и путанице, следует поощрять новые опыты организационного характера, так как именно они могут породить внутри бюрократической модели новый тип системы. Эксперименты необходимо осуществлять не сверху, через государственное планирование, а через апробирование новых форм организации в отдельных учреждениях — больницах, школах, высших учебных заведениях и т. п. Социальное экспериментирование особенно важно тем, что именно в процессе организационных опытов создаются новые социальные отношения, люди обучаются новым типам социального поведения.

Иницилирующей силой трансформации и в то же время практической ее формой могут служить так называемые «конструктивные кризисы», последовательный ряд которых ведет к изменению всего общества. Такие кризисы

¹² Crozier M. La société bloquée, p. 231.

следует провоцировать искусственно, причем со временем они уже перестают носить характер кризисов и переносятся людьми все легче и легче, а потому становятся более результативными и плодотворными. В связи с этим должен измениться характер деятельности правящих слоев. «Настоящая роль правительства и всех руководящих слоев в социальном ансамбле,— пишет Крозье,— состоит в провоцировании кризисов в нужный момент, в нужном секторе и в нужной перспективе»¹³.

Особую роль в этих процессах призваны сыграть интеллектуалы. В условиях бюрократической системы интеллигенция оказывается единственной реальной силой, которая может создать климат социального критицизма, помочь правительству инициировать «конструктивные кризисы», преобразовать господствующий в обществе способ мышления, помочь индивиду понять существующие проблемы и поднять его социальную активность. Но при этом необходимо учитывать изменение характера требований, предъявляемых к интеллигенции. Вместо прежнего умозрительного отношения к действительности теперь от нее ждут активной интервенции (деятельное участие в социальном экспериментировании, в разработке конкретных социальных программ и др.). Наш мир нуждается в «новой расе интеллектуалов — в интеллектуалах мира действия и мира коммуникаций. Пришло их время строить, созидать, прилагать свои познания к реальному обществу»¹⁴.

Исходя из принципов «стратегического изменения», Крозье разрабатывает конкретную программу социальных преобразований французского общества, включающую *«территориальную реформу»*, *«раскрытие системы элит»*, *развитие «духа предприятия»*¹⁵.

Под территориальной реформой социолог подразумевает развитие процесса децентрализации власти во французском обществе, где в настоящее время слишком высок престиж парижской администрации по сравнению с провинциальными властями. Крозье предлагает сделать «ставку на провинцию», «на провинциальные силы обновления», где имеются неиспользованные резервы для развития общества. Для достижения желаемого результата, по его мнению, *необходимо создать открытую конкуренцию за назначение на ответственные посты*.

Установка на проведение территориальной реформы у Крозье выступает как одна из составных частей его программы наступления на французскую государственную бюрократию или, как он выражается, на французский «административный феномен». Последний является центральным и самым прочным «узлом», блокирующим преобразование всех остальных социальных секторов. Но прямое вмешательство здесь малоэффективно. В то же время его нельзя трансформировать частями: государственная бюрократия способна свести на нет все изолированные реформы. Нужно реформировать в первую очередь не наиболее важные (централизованные) сектора, а те, в которых есть больше шансов преуспеть и тем самым «создать процесс развития». Так Крозье утверждает в мысли о приоритете в социальных преобразованиях «территориальной реформы». Если нельзя затронуть «статус кво» государственной административной системы в целом, то можно изменить соотношение центральной администрации и общества, «сыграв на провинциальных элитах против парижской администрации». При этом «ставка на провинцию» явится не противопоставлением Парижу, а опорой на «силы обновления». Территориальная реформа, по терминологии Крозье, должна стать первым «конструктивным кризисом».

¹³ Crozier M. La société bloquée, p. 219.

¹⁴ Crozier M. On ne change pas la société par décret, p. 292.

¹⁵ Ibid., p. 228.

Второй «конструктивный кризис» внутри «административного феномена» следует спровоцировать вокруг системы элит. Чтобы разбить «бюрократические порочные круги», недостаточно провести территориальную реформу по разделению власти между центром и периферией. Если ограничиться этим, то «конструктивный кризис» начнет регрессировать. Для закрепления результатов региональной реформы необходимо развязать один из главных «узлов блокад» французского общества — «принцип протекции», одновременно создавая системы таких отношений в обществе, в которых ведущими ценностями становятся ответственность и свободное самовыражение каждого члена общества.

В настоящее время административная элита занимает особое место в социальной структуре Франции. В результате специфической организации системы образования и отбора кадров малочисленные группы лиц получают монопольное право назначения на ведущие посты в государственных учреждениях. Особую роль в этом играют «большие школы»: Политехническая школа, Национальная школа администрации и др. Для выпускников этих школ резервируются важнейшие руководящие посты. Дипломы других высших учебных заведений практически не дают возможности их обладателям проникнуть в суперэлиту. Своеобразная система отбора позволяет суперэлите устранять конкуренцию, а малочисленность элитарных групп облегчает установление дружеских контактов между их членами. В результате образуется сеть мощных неформальных связей на основе личных знакомств. Модель руководства, основанная на элитаризме, превращает французский управляющий аппарат в закрытую систему. Для «раскрытия системы элит» необходимо провести реформу «больших школ».

Система элит является важным узлом регуляции французского социального ансамбля и одновременно заключает в себе возможности его изменения. Ее положение подобно центральному механизму программирования в биологических системах, или механизмах финансового контроля, в которых 1 % капитала контролирует огромную империю. В то же время, несмотря на совершенную внешнюю неуязвимость, она имеет две очень чувствительные точки, на которые можно воздействовать: уже упоминавшиеся «большие школы» и «большие корпуса». Предлагаемое решение проблемы заключается в том, чтобы усилить конкуренцию при поступлении в «большие школы» и ликвидировать «большие корпуса», поскольку они мешают развитию «рынка экспертизы», свободной конкуренции специалистов. («Большие корпуса» включают такие институты, как Финансовая инспекция, Государственный совет, Счетная палата.)

Говоря о возрождении «духа предприятия», Крозье призывает к отказу от классовой оценки капиталистического предприятия: «Ассимиляция понятия предприятия с социальными категориями капитализма и господствующего класса, а следовательно, с понятиями прибыли, эксплуатации и зависимости делает предприятие крайне непривлекательным и даже отталкивающим в глазах французов и мешает понять его общечеловеческую ценность»¹⁶. Экономическое предприятие для общества — это «соль земли», оно — воплощение «пыла созидания, без которого общество склерозизируется и чахнет». Никакая реформа, никакое начинание в социальном теле не могут осуществиться помимо предприятия. Пробудить общество, придать ему тонус — это означает прежде всего освободить «дух предприятия»¹⁷.

Эффективному функционированию предприятий препятствует наличие в них многочисленных промежуточных административных звеньев, которые задерживают обмен информацией между «верхом» и «низом» и искажают ее. В результате возникает «эффект пуховика». «Этот пуховик нельзя пробить

¹⁶ Ibid., p. 230.

¹⁷ Ibid., 242, 250.

ни сверху, ни снизу. В этой бесформенной массе увязают все директивы и реформы»¹⁸. Налаживание прямой коммуникации между руководителями и исполнителями возможно путем спрямления иерархической цепи, ликвидации как можно большего числа промежуточных звеньев, сокращения численности администраторов, с одной стороны, и утверждения ценностей инициативы и личной ответственности среди служащих — с другой. Как можно наблюдать и в нашей стране, бичом современных предприятий является вовсе не авторитарная, директивная, или по-нашему — командно-административная власть. Ее уже давно нет, и это осознали и сами руководители, и исполнители. *Источник торможения в другом — в том, что основную площадь иерархической пирамиды занимает чрезмерно раздутый штат заместителей, помощников директоров и разного рода «средних*» начальников, которые настолько иерархически и функционально переплетены и взаимозависимы друг от друга, что уже никто не знает, кто и за что действительно несет ответственность и каким образом принимаются решения.* «Эффект пуховика» — следствие простого социального механизма: в сложном ансамбле, где коммуникации играют главную роль, но где они в то же время затруднены, преимущества из подобной ситуации извлекают прежде всего промежуточные эшелоны. Будучи официальными посредниками, они, так сказать, объективно заинтересованы в том, чтобы коммуникация осуществлялась плохо. И часто, даже не отдавая себе в том отчета, они ее деформируют и тормозят реформы только лишь для того, чтобы утвердиться самим, обеспечить свое существование и обладание реальной властью. Но важно понять, что виновниками такого положения являются не люди, а «природа игры». А потому (хотя главной целью преобразования являются сокращение административной цепи и увеличение ответственности и самостоятельности работников) этого невозможно достичь посредством механического сокращения административных звеньев и дарования свободы индивидуальному предпринимателю. Решение проблемы — в изменении «природы игры», а для этого нужны некоторые косвенные действия и средства. В каждом конкретном случае необходимы такие трансформации отношений низших звеньев и высшей администрации, чтобы лишние неработающие промежуточные эшелоны потеряли свое влияние.

Не приносят положительного результата (а, напротив, ухудшают ситуацию) призывы к самоуправлению. «Природа игры» остается той же, меняются только лица, занимающие должности, а потому очень быстро восстанавливается прежняя бюрократическая модель (даже в более жестком варианте). В «самоуправляющихся» единицах усиливается произвол, растет тенденция к деспотизму и расточительности, вседозволенности и бесконтрольности. Не у дел оказываются как раз верхние — «нужные» — эшелоны власти, функцией которых является координация действий, работа по согласованию функционирования всего социального ансамбля. Коммуникация между «верхом» и «низом» окончательно нарушается. Создается иллюзия ненужности никакой власти, никакого руководства. Смысл действительно позитивных перемен в том, чтобы восстановить полноценность функций каждой из составных частей цепи — верхние эшелоны должны координировать, согласовывать действия множества рабочих «единиц», нижние — иметь возможность реализовывать собственные инициативы, творческий потенциал.

В анализе современного кризиса общества Крозье выдвигает на первый план необходимость переосмысления «социальной рефлексии изменения». Главным здесь становится отказ от «объективного», формального, «бесчеловечного» взгляда на социальные проблемы, от механистической логики

18 Ibid., p. 240.

руководителя, когда не принимается во внимание множество отклонений и искажений, постоянно вносимых в конкретные процессы «актерами». Такой отказ поможет сформироваться новой — «неорационалистической» — структуре общества, базирующейся на отношениях между людьми, естественно складывающихся на основе «рационального расчета» каждого отдельного индивида.

Из рассуждений Крозье следует, что разрешение этой проблемы следует искать на «среднем уровне» — *мезоуровне* — там, где полнее всего ощущаются конкретные стимулы действий индивида в рамках ограничений его индивидуальной свободы со стороны организаций и институтов, внутри которых он действует и реализует свой интерес и свою свободу.

* * *

Радикальное изменение «политико-теологического» мышления современности, пишет Крозье, есть следствие происходящего на наших глазах процесса вторичного умирания Бога. Но сегодня это уже не Бог Авраама и Иакова. Трагичность сознания и восприятия жизни человеком явилась следствием провозглашенной Ф. Ницше смерти Бога и ужаса, испытанного человеком, когда он оказался наедине с той метафизической пустотой, где царствует принцип «если Бога нет, то все позволено». Именно эти ужас и трагедия заставили человека изобрести для себя нового, более близкого к нему и более реального Бога, который все урегулирует и все за него решит,— государство и государственность тоталитарного типа. Смерть этого государства-Бога и составляет сегодня вторую смерть социальной трансценденности.

Но государство отвергается не как социальный механизм, а как метафизическая социальная сущность. Свержение государства как «социального священного», хотя и предстает в виде современного ницшеанского разрыва с традициями, однако не превращается в радикальный разрыв с прошлым, в абсолютный социальный нигилизм. Возрождение элементов рыночного капитализма опирается в программе реформ, предлагаемых французским исследователем, на создание новых ценностей. Крозье не предлагает реанимировать свободное предпринимательство, что на современной стадии социального развития было бы утопичным, он ратует за возрождение духа предпринимательства, т. е. фактически за создание условий для развития творческого потенциала личности — этого неистощимого и поистине «вечного двигателя» развития цивилизации»

Антиэтатизм такого типа, критика современного государства и идеологии Всеобщего Интереса выросли в целом из нелиберального отвержения «сильного государства» 70—80-х годов. Одно из общезначимых открытий тех лет заключается в признании, что гипертрофированное развитие бюрократических механизмов в «сильном государстве» оказалось препятствием для социально-экономического прогресса развитых капиталистических стран. «Сильное государство,— отмечал, например, известный немецкий теоретик и критик либерализма Р. Дарендорф,— означало не только силу бюрократии, оно означало также распространение мощного аппарата правил и инстанций, которые сковывают инициативу и обновление»¹⁹.

Однако особенностью становления классического либерализма в Европе было то, что, освобождаясь от феодально-сословных институтов, либерализм Старого Света (в отличие от либерализма Соединенных Штатов) вынужден был делать это осторожно, постепенно, стремясь не допустить

¹⁹ Dahrendorf R. Fragmente eines neuen Liberalismus. Stuttgart, 1987, s. 115.

обширных и мощных революционных процессов снизу, могущих легко разрушить и привести в хаос работающий социальный механизм²⁰. Именно в этом проявилось уже тогда различие между консервативным характером либеральной традиции Европы и «радикальностью» либерального реформизма США. Эту черту осторожных и постепенных вмешательств в функционирующий механизм унаследовал и Крозье, заявивший, что его программа реформ есть прежде всего «стратегия» реформ на дальнюю перспективу, предусматривающая осторожный, продуманный и постепенный интервенционализм.

Считая революционную методологию изменения по схеме «разрушение—реконструкция» варварской и неприемлемой по отношению к таким деликатным объектам, как человеческие институты, он защищает идею поиска и стимулирования ключевых потенциалов системы, которые при создании благоприятных условий для инновации и развития ведут к постепенному, плавному изменению всей системы в целом. Но именно *стремление реально изменить общество, а не потрясти и не взорвать его и есть подлинно либеральная идея*. Она соответствует главному смыслу либеральной доктрины — идеологии освобождения, которая не должна отождествляться с идеей ликвидации и разрушения социального. Так что при всей субъективной необходимости и объективной заданности для нашей страны проведения либеральных реформ вовсе не обязательно идти путем полного разрушения нарабатанного потенциала, а можно и нужно следовать более осторожной и щадящей стратегии развития, даже в том случае, когда ставится цель преодоления этатистской традиции и модели ее существования.

Вообще следует остерегаться двух крайностей — крайности революционных переворотов, которые создают только горы обломков и ничего общего с реформированием систем не имеют, и крайности упования на самоуправление, самокорректировку социальных подсистем. Организации, которые не изменяются, чахнут, системы же, предоставленные самим себе с расчетом на самоорганизацию, вырождаются иначе — они становятся настолько запутанными и сложными, что исчезает всякая возможность ими управлять. Другими словами, анархизм и бесконтрольность ничуть не менее опасны, а с точки зрения деградации социальной системы и более опасны, чем даже пресловутая административно-командная система руководства со всей ее тоталитарной идеологической подоплекой. *Для осуществления реального и плодотворного изменения в обществе необходимо изменить взгляд на саму стратегию изменения, концептуально осознать сам метод сознательного вмешательства в социальный ансамбль. Необходимы осторожные, хорошо продуманные локальные вмешательства (интервенции) в те части социальной системы, которые либо готовы к изменению, либо несут в себе «зародыш» такого изменения*. Время лобовой атаки на систему в целом прошло. Это слишком дорого обходится, а главное, не дает нужного результата — бюрократическая модель быстро восстанавливается и даже способна обрести новые устойчивые формы своего существования.

²⁰ См. Михайлов Б. В. Современный американский либерализм: идеология и политика.